

Кастальский ключ Георгия Щедровицкого

Среди научных работников, сделавших своей профессией изучение, преподавание, исследование философии, Георгий Петрович Щедровицкий занимает особенное, можно сказать, уникальное место. Он с первых шагов своей научной работы выступает как самостоятельно мыслящий, совершенно чуждый господствовавшему в СССР догматизму, преподаватель и исследователь, несмотря на то, что он отнюдь не порывает с марксизмом, в особенности с диалектикой, которую он систематически развивает в разрабатываемой им теории, которую он называет методологией. При этом, однако, имеется в виду не традиционное, весьма малосодержательное представление о методологии, а по существу новое учение о мыследеятельности. Как утверждает Щедровицкий, «рассматривать деятельность без мышления нельзя, и мышление без деятельности – нельзя. Так возникло понятие мыследеятельности»[1].

Понятие мыследеятельности имеет своей необходимой предпосылкой соответствующее, можно сказать, нормативное понимание человека. Является ли человек «автономной личностью? Или он только частичка массы, движущаяся по законам этой массы?»[2]. Эта в высшей степени уместная постановка вопроса в эпоху репрессивного советского режима и идеологического диктата, особенно чувствительной именно в философии, не остается без ответа. Г.П. Щедровицкий заявляет: «...когда человек-индивид отвоевывает себе право не подчиняться законам места и бродить в этой социальной структуре. Вот тогда формируется личность». И далее еще более конкретно: «... стать личностью можно только тогда, когда ты выдержал давление системы, отбил его и продолжаешь свое действие и свою жизнь»[3]. Становление личности, согласно Щедровицкому, есть социокультурное самоопределение. У каждого свой жизненный путь, каждый выбирает свою колею. И от этого выбора зависит его человеческое достоинство, его самость, которая, увы, не есть атрибут каждого человеческого индивида. «У человека, – говорит Щедровицкий, – либо есть самость, либо нет самости»[4]. Это – суровые слова, но справедливые в особенности в те советские времена, когда они были высказаны. Нелишне напомнить, что в те времена советские люди сплошь и рядом не смели вымолвить то, что они думали о властях предрежащих, о советском образе жизни вообще. Это в равной мере относилось и к так называемым рядовым гражданам и к высокопоставленным представителям так называемой элиты. Понятно поэтому и такое высказывание Георгия Петровича: «...нужно вернуть человеку его активную деятельностную роль и понимание того, что он – человек, и он действует, а не просто влеком потоком событий»[5].

Теория деятельности, систематически разработанная Щедровицким, самым непосредственным образом связана с этой гуманистической концепцией человека, формулируемый как свободный, не только нравственный, но и конкретно-исторический социальный императив. Обосновывая его безотлагательную необходимость, Щедровицкий поясняет: «деятельностный подход конституирует себя прежде всего как подход, выражающий активность человека и веру в то, что человек может все. В этом смысле он противоположен естественнонаучному подходу»[6]. И на следующей странице цитируемого издания эта мысль еще более конкретизируется: «Деятельностный подход складывался и формировался при четком признании того, что человек должен брать на себя ответственность. Субъективный подход и волевое решение необходимы в каждом деле, и это есть, наверно, самое главное, что требуется от каждого человека»[7].

Приведенные высказывания не только служат введением в разработанную Щедровицким теорию методологии. Они представляют вместе с тем *credo* философа, т.е. обрисовывают

его интеллектуальный облик, его личность и жизненный выбор. После окончания школы юноша Щедровицкий по настоянию родителей поступает на физический факультет МГУ. Однако к концу третьего курса успешной учебы Щедровицкий тем не менее приходит к убеждению, что не физика, не естествознание вообще выражает главную составляющую его интеллектуальных потребностей и интересов. Ему необходима не просто профессия, а призвание. Он сознает, выражаясь его собственными словами, что «без гуманитарной науки – философии – мне не жить. Я перешел в 1949 году на философский факультет и вот с тех пор живу внутри философии, по возможности стараюсь делать эту философию – так, как я могу»[8].

Вскоре после завершения учебы на философском факультете Георгий Петрович организует «Московский методологический кружок», который в ходе своих регулярных собраний обсуждает новую концепцию методологии как форму организации мышления и деятельности не только в сфере науки, но и на практике. Вместе с известным психологом В.В. Давыдовым Щедровицкий организует Комиссию по логике и психологии мышления в рамках Общества психологов СССР. Эта Комиссия инициирует ряд междисциплинарных исследований, в которых участвуют философы, психологи, педагоги. «Новая философская энциклопедия», характеризуя работы Георгия Петровича, отмечает: «Были разработаны категориальные и операциональные средства онтологической схемы мыследеятельности. Воплощением этих разработок стала новая форма организация мышления и деятельности – организационно-деятельностные игры (ОДИ). Опыт их проведения позволил разработать представление о различных пространствах в схеме мыследеятельности: мыслительном, мыслительно-коммуникационном и мыследеятельностном. За период 1979–1991 гг. проведено свыше 90 игр (с количеством участников до нескольких сот человек), посвященных широкому спектру социальных и культурно значимых проблем»[9].

В 1988 г. Г.П. Щедровицкий стал организатором Комитета по вопросам методологии и организационно-деятельностных игр при Союзе научных и инженерных обществ СССР. С 1991 г. Щедровицкий – главный редактор журнала «Вопросы методологии».

23 февраля 2009 года исполняется 80 лет со дня рождения этого выдающегося, самобытного мыслителя. Сегодня ведется большая, активная работа по изданию трудов Георгия Петровича. Благодаря созданному Некоммерческому научному Фонду «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» мы можем познакомиться не только с теми трудами, которые были опубликованы при жизни их автора, но и расшифровками стенограмм его многочисленных лекций, семинаров, организационно-деятельностных игр. Можно выразить огромную благодарность тем энтузиастам, кто сумел обеспечить редактирование этих текстов, их комментирование и издание. Благодаря их усилиям, масштаб личности и творчества Георгия Петровича только вырастает во времени, обретает зримость.

Наследие Щедровицкого огромно, россыпь идей велика, и освоение такого богатства требует времени. Мы надеемся, что эта небольшая статья послужит началом обстоятельного обсуждения поставленных им актуальных проблем.

Одной из самых характерных черт Георгия Петровича являлось совершенно спонтанное творческое мышление, которое он проявлял даже в процессе обычного преподавания. Ему не на словах, а на деле удавалось превращать свои лекции не в монологи, а в диалоги. Уже форма его лекций была необычной для советских времен, да и не только для них. Он, можно сказать, обожал вопросы, которые, согласно установленным им самим правилам, задавались в любой момент его речи. Каждый студент мог прервать лектора, выражая свое непонимание или возражение почти в агрессивной манере. Когда Щедровицкого

прерывают – он не обижен. Это только вдохновляло Георгия Петровича, а не обрывало лекцию. Напротив, именно нападки аудитории заставляли его особенно тонко и точно формулировать свою мысль, а слушатели получали возможность присутствовать при рождении все новых и новых смыслов, вскрывающих почти фантастическую глубину философского рассуждения.

По своей манере преподавания он, вероятно, напоминал Фихте, который был не столько академическим профессором, сколько оратором, зовущим слушателей к бою, к тому, чтобы не соглашаться с существующим укладом, а идти вперед, к радикальной переделке традиционных форм жизни. Щедровицкий выступал с профессорской кафедры так, как выступает маршал, объявляя своей армии о долгожданном наступлении после долгих дней несерьезных, арьергардных боев. И те, кто жаждал новизны, всем сердцем, всей энергией юности отзывались на этот призыв. Обо всем этом сегодня нам повествуют опубликованные стенограммы его разнообразных лекций и докладов. Очевидно, – и это замечательно! – что десятки слушателей самым непосредственным образом участвуют в том, что говорит Георгий Петрович, в том, что ему удастся высказать и, как он выражался, «промыслить».

Надо подчеркнуть, что Георгий Петрович не был диссидентом в общепринятом смысле этого слова. Он не стремился иметь то мнение, которое всегда «вопреки» принятою властью. Не стремился он и к широкому публичному признанию своих заслуг, и в этом плане вовсе не вербовал своих сторонников. Он просто увлекал молодежь (да и не только ее!) перспективами мыслительной работы самой высокой пробы. Созданный им семинар, если и был «инакомыслящим», то только в данном смысле этого слова.

Поэтому хотелось бы обратить особое внимание на необычность созданной им формы коллективной работы в сфере мышления. Попытаемся проанализировать специфику семинарской работы в созданном Георгием Петровичем Московском методологическом кружке.

ММК, напомним, сложился во второй половине 50-х годов XX века. Многие молодые философы СССР того времени занимались активной критикой неопозитивизма, который, как известно, развивал свои исследования в рамках Венского кружка. В этом своеобразном «критическом» контексте многие познакомились не только с идеями, но и с формами обсуждения, которые были характерны для этой философской школы. Во всяком случае в ММК был осуществлен перевод с английского и широко распространялся в машинописи очерк Виктора Крафта 1950 года по истории Венского кружка, где автор с большой теплотой попытался передать незабываемую атмосферу работы своих товарищей. Эта книга только недавно была у нас заново переведена и издана. Вполне вероятно, что имя нового направления отечественной философии возникло по аналогии именно с самоназванием позитивистов «третьей волны».

Как для венцев 20-х годов, переживших ужасы Первой мировой войны, так и для молодых москвичей 50-х, переживших кошмары Второй мировой, ощущение неформальности объединения энтузиастов для разработки актуальных, живых проблем было очень важным. И те, и другие хотели «не болтать», отказаться от «паутины слов», а «дело делать». В ММК не уделялось никакого внимания чинам, степеням и званиям: перед лицом Мышления все были равны, а в споре побеждал тот, кто высказал более сильные аргументы, а не тот, кто был старше и именитее. Здесь царил дух соперничества интеллектов, нестесняемого ничем внешним, а новичкам объясняли правила поведения, пользуясь метафорой «свободного ринга». Пафос радикальной критики по отношению к традиционной философии также был близок московской молодежи.

Это было непривычно и крайне привлекательно для всех, кто устал от казенного распорядка советской институциональной жизни, где было достаточно ясно установлено, что «младший научный сотрудник» обслуживает «старшего», завсектором «прозорливее» и старшего, и младшего, что «доктор наук» сделал для науки больше, чем «кандидат», что «член-корреспондент» менее заслужен, чем «академик» и тому подобное. Иерархия военного порядка мало подходила для научной работы, однако она уже укоренилась вполне прочно. Поэтому традиционные научные семинары и конференции, функционирующие в институтах АН СССР, мало напоминали состязания на «свободном ринге». Исключения, конечно, были, в особенности среди физиков, однако они, к сожалению, только подтверждали обычность тех правил соблюдения иерархии, которые царили в жизни других научных сообществ.

Да и сами дискуссии в советской науке были скомпрометированы после печально известных кампаний против генетики, кибернетики и прочих изысканий «буржуазных» теоретиков. Эти приснопамятные баталии, в которых одна научная группировка должна была разоблачить другую и объявить о своей победе, именовались дискуссиями и вызывали самые неприятные эмоции. «Побежденный» должен был публично заявить о своем раскаянии, признать свою точку зрения ошибочной и присоединиться к той, которая признавалась «победившей» и, следовательно, единственно правильной. Излишне говорить, насколько такого рода дискуссии вредны для научного сообщества. В науке именно «гордые одиночки», восставшие против привычных взглядов, сплошь и рядом оказывались в конечном итоге правы. И меньшинство в науке вовсе не обязано принимать точку зрения большинства, более того, это может завести научный поиск в тупик. Альтернативные гипотезы, даже если в начале они разделяются только отдельными учеными, представляют в науке огромную ценность. По сути дела, шумные, ширококвещательные и с далеко идущими «оргвыводами» для побежденных дискуссии в советской науке были перенесением в научное сообщество партийных норм с их обязательным принципом «демократического централизма» (т.е. подчинения меньшинства большинству) и были весьма губительны для ученой корпорации.

В силу таких обстоятельств и конференции, и симпозиумы, и семинары в академических кругах СССР были глубинно ритуальными. По неявному согласию, которое выработало научное сообщество, острых дискуссий желательно избегать, а в публичных спорах, коли уж они случались, следовало всячески соблюдать правила приличия. Мышление же по природе своей – это спор, честный спор. Если нет внешних условий для реализации спора, то и мышление исчезает. Именно по этой причине, в частности, советская философия 50-х годов топталась на месте, никуда не двигалась, несмотря на отчетную риторику, в которых всячески доказывалось, что идет активное творческое развитие марксистско-ленинской философии. И сколько талантливых людей того периода просто обуздывали свои смелые идеи для того, чтобы соблюдать трамвайный принцип «не высываться»! Внешние ограничения мало-помалу превращались и во «внутренних тюремщиков». Неизбежно возникала и развивалась самоцензура, впрочем и обыкновенная государственно-идеологическая цензура не дремала. Когда наконец - уже в период перестройки - цензура была отменена, самоцензуру надо было изживать собственными силами, а это давалось с большим трудом. Многим отечественным философам вообще не удалось с ней справиться...

Георгий Петрович был ярким, убежденным сторонником идей Маркса о деятельной природе познания. Но первый из «Тезисов о Фейербахе» был для него программой, которую следовало реализовать, а не повторять изо дня в день как заклинание.

Щедровицкий заканчивал философский факультет по кафедре логики, однако рамки формальной логики были слишком узкими для того, чтобы на базе ее средств разрабатывать теорию познания и теорию мышления. Так называемая диалектико-материалистическая логика, как это ни парадоксально, не позволяла реализовать идею Маркса. Надо было создавать новое направление исследований, причем, как оказалось, не только в идейном отношении, но и по форме.

Трудно сказать, насколько целенаправленно строилась эта форма семинара, который был назван «методологическим» для того, чтобы оттенить его правила и нормы. Скорее всего, во многом эти нормы складывались стихийно. Однако в конечном итоге все было отрефлексировано и, как оказалось, свод правил выглядел весьма стройным.

В своей зрелой фазе 1960-х годов, которую многие еще помнят, семинар Щедровицкого работал в здании Института психологии Академии педагогических наук. Институт помещался (и помещается) на Моховой, чуть в глубине по отношению к памятнику Ломоносову. Там очень удобный зал для научных заседаний – две больших доски, стол для председателя, сама аудитория в форме амфитеатра, с поднимающимися рядами. В зале могло помещаться около сотни человек, и на это своеобразное театральное представление собирались интеллектуалы самых разных специальностей и взглядов. Зрелище было настолько привлекательным, что для гуманитариев не посетить этот семинар хотя бы раз или два, считалось неприличным. Можно было строить различные гипотезы, удобна ли подобная семинарская форма для обсуждения серьезных проблем, можно было по-разному оценивать тематику заседаний и эффективность обсуждения, но не знать о таком семинаре было невозможно. Он сам был значимым прецедентом в послевоенной отечественной философии XX века.

Некоторые предварительные аксиомы методологического семинара можно перечислить. Первая из них гласила: «Мышление – это коллективный эффект». Эту установку Георгий Петрович неоднократно выражал на лекциях, обосновывал в своих докладах, опираясь на проведенные психологические исследования. Иначе говоря, индивидуалистам здесь было не место. Тем, кто верил, что «мышление – это функция мозга» (согласно диалектическому материализму), здесь тоже было неуютно. Мышление оказывалось полифоническим, многоролевым социокультурным феноменом. Семинар как бы воплощал в своей работе такое представление о мышлении.

Другая аксиома состояла в том, что методологический семинар должен осуществить рефлексию средств мышления. Новичкам специально объясняли принцип «перпендикулярного видения». Иначе говоря, слушатели не столько двигаются вслед за докладчиком, чтобы проследить получение того результата, который являлся основным содержанием сообщения, сколько анализируют мыслительные средства, процедуры, операции, которые привели докладчика к его результату, т.е. смотрят на его работу «со стороны», рефлексиируют ее, отмечая шаг за шагом все особенности каждого мыслительного шага. Сейчас нетрудно усмотреть здесь пафос аналитической философии, которая завоевала столь серьезное признание на Западе. Но эта установка – осознать каждый шаг, каждую процедуру или операцию – приводила к тому, что обсуждать доклад можно было почти до бесконечности. Как правило, докладчик высказывал один тезис или даже половину своего тезиса, а многоликая аудитория с разных позиций пыталась осознать, что было сделано. На один доклад уходило от двух до восьми заседаний по три часа каждое.

Почему именно три часа было обязательным временем заседания? На это тоже были веские причины. Аксиома третья гласила: все, что говорится во время методологического

семинара, должно быть записано на магнитофонную пленку. Ходило много шуточек по поводу того, что отличительной чертой «щедровитянина», независимо от темы доклада, является требование предоставить ему доску, мел и магнитофон для записи. Иначе методолог и рта раскрыть не может. Запись двух кассет магнитофонной пленки (каждая по 90 минут) занимает ровно 3 часа – вот и время работы семинара. Для семинаров физиков писать на доске формулы – дело привычное, но для гуманитариев это представляло настоящую новинку, не всегда вызывавшую положительные эмоции.

Записи эти потом редактировались и печатались на пишущей машинке. По расписанию кто-то из постоянных участников семинара приходил к машинистке в установленное время и диктовал ей то, что слышалось с пленки. Качество этих записей и редактирования (здесь было много субъективного) не всегда безупречно, но, вообще говоря, такая работа была прекрасной школой рефлексии. Поэтому был сформулирован принцип «магнитофонной рефлексии». Расшифровка магнитофонной записи – дополнительный мысленный анализ той «шахматной партии», которая проходила публично, на виду у всех желающих. Если сравнивать с шахматами, то это было похоже на домашний анализ сыгранной партии. Акцентирование роли магнитофона и доски – это аксиома третья. Все, что говорится, должно быть выложено вовне, оставить свои визуально фиксируемые следы: схемы, рисунки, тексты.

Такая непрерывная вовлеченность в работу коллективного мышления, бесспорно, была очень эффективной для каждого активного участника семинара. Мастерство лектора, докладчика для тех, кто после публичного выступления прослушивал свою речь и заданные вопросы, росло очень быстро. А высокий смысл этой непрерывной вовлеченности в общую работу Георгий Петрович однажды выразил так: «Мышление – это образ жизни!» Так была сформулирована четвертая, самая пафосная, самая личностно ориентированная аксиома методологического семинара.

Каковы же были правила проведения самого заседания? Здесь можно было воочию увидеть различные роли для участников семинара. Роли эти никто не распределял, они не были закреплены, напротив, желательным было менять позиции и роли в ходе обсуждения.

Первая роль – это, конечно, председатель заседания. Роль эта не была закреплена, но чаще всего ее исполнял сам Георгий Петрович. Сегодня функцию председателя чаще называют «медиативной». Иными словами, назначается медиатор (ведущий), задача которого «рулить» обсуждением, предоставлять слово для вопросов и комментариев. Ведущий мог счесть заданный вопрос неуместным и отклонить его. Мог помочь докладчику, если тот был в затруднении, мог, напротив, остановить доклад, прервать выступающего, если по каким-то причинам считал, что обсуждение заходит в тупик и перестало быть эффективным. Словом, на время заседания председатель – царь и Бог. Но роль эта не закреплялась на постоянного исполнителя, и почти каждый мог стать таковым на 3 часа заседания. Председатель следил за «регламентом», т.е. обрывал дискуссию в тот момент, когда кассета магнитофона заканчивалась или когда надо было перевернуть кассету на другую сторону. Председатель напоминал, на чем остановилось обсуждение в прошлый раз, и обозначал смысловые связи различных кусочков произносимых текстов. Эта роль была сложной и требовала большого искусства. Естественно, что и охотников ее исполнять было не так уж много.

Роль докладчика, казалось бы, центральная. Нет доклада, нет и заседания. Но все же это была вторая роль. Назначение докладчика входило в «обязанности» Георгия Петровича, но очень часто он сам выступал в роли докладчика и тогда безропотно подчинялся

распоряжениям председателя. Игровой характер обсуждения никогда не скрывался, хотя страсти были серьезными, нешуточными. Однако теоретические разногласия заканчивались дружескими похлопываниями по плечу, совместными прогулками по Москве, посещением кафе или вечеринками у кого-то из участников семинара, кто мог позволить себе привести немалую компанию домой и напоить желающих кофе и чаем. Иногда доклады планировались заранее, иногда они возникали спонтанно, когда приезжали соратники из других городов и хотели рассказать о своей работе. Очень интересными всегда были доклады Георгия Петровича, когда он в конце сезона (учебного года) подводил итоги работы семинара, а в начале сезона «проблематизировал» то, что предстояло обсудить. Благодаря этому, постоянные участники семинара могли ощущать непрерывность и связность проделанной работы «коллективного мышления», почувствовать динамику тематики и проблем, непрерывно возникающих по ходу дела.

Третья составляющая обсуждения – вопросы. Вопрошающие делились на две категории. Первая группа – вопросы «на понимание». Здесь что-то уточнялось: понятия, различия, контексты проблем, их постановка. Другая группа – вопросы-возражения. Здесь некто из зала в форме вопроса заставлял докладчика усомниться в только что сформулированном тезисе или положении. Эти две функции вопросов не следовало путать, и председатель всегда подчеркивал их различие. Заданный вопрос можно было объявить некорректным, нерелевантным. Иногда это фиксировал ведущий, иногда сам докладчик.

Четвертая компонента обсуждения – это комментарии. Когда докладчик высказывал некий смысловой кусок, ему задавались вопросы, однако если вопрошающий или иной слушатель не были согласны, то им предоставлялось право высказать свое несогласие в развернутом виде. Комментарии бывали весьма обстоятельными, поскольку слушатели могли здесь высказывать самые различные позиции и точки зрения. Никто не был обязан принять эти возражения, но если ты не принимал их, то должен был аргументировать, на каком основании можно отвергать высказанную критику. Забавно, что иной раз комментатор хотел похвалить докладчика, а тот, напротив, отвергал эту похвалу, поскольку высказывалось нечто для него неприемлемое. Комментарии могли по размеру превосходить услышанное от докладчика во много раз. Докладчик покорно сидел и молчал, требовал слова и не получал его, в зале возникали горячие дискуссии по поводу комментариев... Среди слушателей порой раздавались крики: «Даешь доклад!» «Дайте же человеку сказать!» Всем этим действием, мудро улыбаясь и слегка подначивая спорящих искусно руководил председатель заседания. В этой роли Георгий Петрович был неподражаем!

Таким образом, обычный путь развития слушателя на семинаре состоял в том, что он начинал с вопросов на понимание, переходил к вопросам-возражениям, в какой-то момент отваживался на комментарии, дорастал до доклада, исполнял роль председателя... Вроде бы весь набор семинарских ролей были исчерпан. Но в этот момент Учитель, хитро прищурясь, предлагал ему организовать собственный семинар. «Где я возьму аудиторию, публику?..» – растерянно бормотал самонадеянный ученик. «Придумай!» – следовал ответ. И многие, действительно, придумывали! Возникло целое семейство более мелких, локальных семинаров, которые собирались, как правило, у кого-то на квартире. Так была осознана еще одна – непубличная – роль организатора семинара, роль ее лидера, конечно, неформального лидера. Он должен был, помимо прочего, куда-то вести свою группу, иметь собственную исследовательскую программу, разрабатывать конкретную тематику. Он должен был вдохновлять людей, давать им для разработки какие-то вопросы, показывать их связность, задавать картину целого и т.п.

В конечном итоге любой «семинарист» осознавал, что исполняемые роли определяют то, что видишь и выделяешь в обсуждаемом материале. Осознавалось, делалось явным, что существуют различные позиции, и эти различия должны быть учтены при обсуждении всякого сложного, комплексного вопроса. Позиционность была осознана как принцип и в дальнейшем воспроизводилась, так сказать, графически – обязательно отражалась в схемах. Мышление выступало, в частности, как процесс хождения по этим позициям и учет разных контекстов. «Принцип позиционности», ментальный «топос» каждого участника крайне усложнял процесс обсуждения, но, по сути своей отражал какое-то реальное социокультурное измерение процесса коллективного мышления.

Оставалось последнее усилие – интериоризировать, сделать своим «внутренним голосом» этот развернутый во времени и пространстве процесс. Таким образом усваивалась подлинная технология Мышления.

И надо заметить, что в те годы психологи, изучающие творческую работу в науке, неоднократно писали о тех ролях, которые спонтанно возникают в любом исследовательском коллективе: это – «генератор идей», «эрудит» и «критик». Действительно, кто-то рождает идеи, кто-то вписывает эту новинку в общекультурный контекст, кто-то весьма силен в критическом анализе предложенного. Выделение ролей само по себе не было новинкой. Но насколько же более объемным выглядело выделение позиций для работающих в методологическом семинаре! Выработка позиций и смена их происходила буквально на глазах. Такая позиционность не могла быть сведена к достаточно простеньким ролям, которые сумели выделить психологи научного творчества.

Иногда казалось, что вся эта напряженная работа мысли – игра на тренажере. Лишенные возможности действовать в жизни и изменять мир, семинаристы могли только изменить представления о мире и жизни. Добавим, что слово «рефлексия», столь сильно пронизывающее язык «щедровитян», было тогда не то, что немодным, но «нехорошим», «буржуазным». Здесь пахло «гегельянщиной», чистым порождением понятий из самих себя. В отечественной философской литературе о необходимости «рефлексивных исследований» заговорили только к концу 80-х годов, в эпоху перестройки.

В то же время те, кто был участником этой работы, можно сказать, непосредственно усваивали столь важный для Георгия Петровича образ мышления как субстанции. «Мышление либо «садится» на человека, либо... нет», – говорил он. Мышление, как это воочию виделось, – надличностный процесс, и никаких иллюзий относительно индивидуальной природы мыслительных процедур просто не оставалось. Этот тезис даже не приходилось доказывать.

Нетрудно видеть, какой богатый познавательный опыт был накоплен во время работы такого семинара. Сколько находок, сколько интересных поворотов мысли, сколько неожиданных «зигзагов» в тематике и проблематике возникало по ходу дела! И надо прибавить, что методологический семинар, несмотря на его непридуманную зрелищность, вовсе не был похож на столь модные и привычные сегодня «ток-шоу». Главным все-таки оставалось стремление решить проблему, а не завоевать аплодисменты у зрителей. Семинар в этом плане был обращен к «посвященным», к тем, кто сознательно посвятил себя ментальному поиску, какими бы конкретными темами он ни занимался. В семинаре не было «зрителей», которые могли бы произвольно, безосновательно, «просто так» симпатизировать или не симпатизировать выступающему. Все были участниками, сотрудниками, партнерами общего дела. Иметь позицию или менять ее – все принимаемые решения требовали серьезного обоснования. «Тезис – ничто, доказательство – все!» – повторял для молодежи Георгий Петрович. Надо было сделать выбор,

самоопределился, взять на себя ответственность за избранную траекторию интеллектуального пути. И идти до конца, не позволяя ничему внешнему и случайному увлечь себя соблазном быстрого результата, легкого успеха. «Да ведь это Игра в бисер!» – случилось воскликнуть кому-то в зале. «Именно так!» – невозмутимо подтверждал председатель заседания.

Образ Касталии – местообитания Чистого, как родник, Бескорыстного Мышления – определял эмоциональный настрой всех, кто сумел приобщиться к общей работе семинара. Это было так прекрасно – быть вне социетальной суеты, посвятить себя тому, что не зависит от внешних, случайных обстоятельств и не смывается потоком времени.

В духовном универсуме Московского методологического кружка словно порывались всякие связи с царившей вокруг «фельетонистической эпохой». Но приобщение к ММК вовсе не было легким делом. «Старожилы» отсылали нетерпеливых к такому пояснению из романа Германа Гессе: «Правила этой Игры игр усваиваются только обычным, предписанным путем, на что уходят годы, и никому из посвященных не придет на ум упрощать или облегчать процесс их усвоения»[10].

И семинарская молодежь восторженно упивалась стихами из романа:

Игра стеклянных бус
Удел наш – музыке людских творений
И музыке миров внимать любовно,
Сзывать умы далеких поколений
Для братской трапезы духовной.

Подобий внятных череда святая,
Сплетения созвучий, знаков, числ!
В них бытие яснее, затихая,
И полновластный правит смысл.

Как звон созвездий, их напев кристальный, –
Над нашею судьбой немолчный зов,
И пасть дано с окружности астральной
Лишь к средоточию всех кругов.

(перевод С.С. Аверинцева)[11].

Именно опыт этого методологического семинара лег в основу дальнейшего развития ММК – когда начался в 1979 году период организационно-деятельностных игр (ОДИ). Теперь в процессы активного коллективного мышления вовлекались сотни и сотни людей различных регионов страны. За счет определенных процедур «игротехники» они вырвались из тесных рамок своей специализации, узких взглядов и начинали сообща, поверх своей профессиональной ограниченности, строить представление о сложнейших социальных проблемах, которые требовали безотлагательного решения, но в принципе не могли быть решены в рамках каких-то единых профессиональных средств и подходов. «Игра в бисер», спустя некоторый период исторического времени, оказалась весьма практически значимой! И это, конечно, неудивительно, так как всякая деятельная перестройка окружающего мира начинается с перестройки мышления о мире.

Можно заметить, что все три слоя реальности интеллектуальной работы, которые составляют содержание центрального понятия «мыследеятельности», присутствовали

имплицитно в работе методологического семинара и были в дальнейшем отрефлектированы: докладчик должен был в первую очередь представить «разрывы» в деятельности, которые ставили проблему. Напряженное обсуждение – это искусство коммуникации, в которых проблема членилась, раскладывалась «по полочкам», оборачивалась различными гранями и представала в фокусе различных позиций. Это рождало представление о мыслекоммуникации. И все же обсуждение должно было также подчиняться нормам «чистого мышления», а не только обеспечить взаимопонимание. Вот тогда общая картина становилась полноценной и полноцветной.

Было ясно продемонстрировано, что акты мышления не сводимы к известным логическим операциям умозаключения по правилам силлогистики. Это, повторим, была подлинная полифония, а не простенький элементарный аккорд из трех нот: две посылки и вывод. И было это результатом дерзновенной попытки воплотить в жизнь идею Маркса о практической природе познания!

Щедровицкий, что бы ни казалось его оппонентам, следовал классическим традициям философствования, а не разрушал их. Но пассионарность его личности, как это часто бывает, делала общение с ним нелегким, конфликтным, могла выбить из колеи. Было ли это созидательным или разрушительным – зависело от того, как относиться к потере уверенности в себе. Чаще это непереносимо, а иногда – ведет к обновлению, к следующей ступени, к неожиданному самоопределению.

На крутых виражах современной Истории наследие Щедровицкого по-прежнему будоражит и требует серьезного освоения.

Примечания:

[1] На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М., 2004. С. 135.

[2] Там же. С. 27.

[3] Там же. С. 73.

[4] Там же. С. 71.

[5] Там же. С. 86.

[6] Там же. С. 87.

[7] Там же. С. 88.

[8] Там же. С. 16.

[9] Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. М., 2001. Т. 4. С.405.

[10] Гессе Г. Игра в бисер. М., 1969. С. 38.

[11] Там же. С.429.